

Глава первая

Многим казалось странным, что на свете существуют два игрушечных городка, да ещё рядом друг с другом (по правде сказать, имелся и третий — у девочки по имени Агнес Мерси Фостер, — но там никто не бывал, и его можно не брать в расчёт, потому что построили его ненадолго).

Один игрушечный городок находился в Фордэме, назывался «Литл-Фордэм» и принадлежал мистеру Потту. Другой был в Уэнт-ле-Крейсе, назывался «Беллихоггин» и принадлежал мистеру Платтеру.

Начал всё это тихо и мирно, для собственного удовольствия и развлечения, мистер Потт, а последовал за ним, причём совсем по другим соображениям, деловой мистер Платтер.

Мистер Потт служил раньше на железной дороге путевым обходчиком и однажды вечером, в полутьме, на пустынном участке пути потерял одну ногу, но не по небрежности, а потому, что хотел спасти жизнь барсуку. Мистер Потт всегда волновался из-за лесных тварей: одноколейка шла через лес, а в сумерках барсуки выходили на прогулку и с сопением трусили по шпалам. Особой угрозы для них не было, разве что два раза в году, когда последний поезд из Хаттерс-Кросса пересекал лес ранним вечером — в излюбленное барсуками время для вылазок. Поезд исчезал, и в лесу снова наступала тишина; лисицы, кролики и зайцы перебегали рельсы без опасности для жизни, опять принимались выводить рулады соловьи.

В те ранние дни существования железной дороги уединённая сигнальная будка, где жил мистер Потт, была для него родным домом. Там у него имелся чайник и стол под плюшевой скатертью, стояло вагонное кресло со сломанными пружинами, висели масляные фонари. Скоротать время между редкими поездами мистеру Потту помогали лобзик, коллекция марок и захватанная пальцами Библия, которую он иногда читал вслух. Мистер Потт был хороший человек, очень добрый и деликатный, любил своих ближних почти так же, как поезда. Лобзиком он выпиливал из старых коробок для сигар ящички в виде домиков для сбора денег в Железнодорожный благотворительный фонд, и ни один из них не походил на другой. В первое воскресенье каждого месяца мистер Потт, сев на велосипед, объезжал свой городок, вооружившись отвёрткой и небольшой чёрной сумкой. У каждого дома он отвинчивал крышку прибитого снаружи ящичка и, пересчитав деньги, кидал их в свою

сумку. Иногда (не часто) ящик оказывался пустым, и мистер Потт печально бормотал, отъезжая: «Лисичка снова наведальась в курятник».

Время от времени мистер Потт рисовал картинки, маленькие и очень подробные. На двух была городская церковь, на трёх — дом священника, на двух — почта, на трёх — кузница, и на одной — его собственная сигнальная будка. Он давал их в качестве приза тем, кто собирал больше всех денег в благотворительный фонд.

В ту ночь, о которой идёт речь, барсук укусил мистера Потта — вот в чём вся беда. Мистер Потт растерялся, и секундная задержка стоила ему ноги. Он так и не увидел следа барсучьих зубов — отрезали вместе с ногой... Барсук убежал цел и невредим.

Железнодорожный благотворительный фонд вёл себя благородно. Мистеру Потту, не скупясь, выплатили единовременное пособие и приискали домик за пределами городка, там, где на берегу ручья стояли три старых тополя. Вот здесь-то, в своём саду, мистер Потт и стал строить на насыпи железную дорогу.

Сперва он купил подержанный набор игрушечных поездов. О том, что они продаются — вместе с электрической батареей, которая приводит их в движение, — мистер Потт прочитал в местной газете. Поскольку в его крошечном домике было для этого тесно, он уложил рельсы в саду. Рельсы ему помог сделать кузнец, но со шпалами управился сам: вырезал их в одну двадцатую натуральной величины и надёжно закрепил на насыпи — так же, как раньше закреплял настоящие шпалы, — а затем просмолил. Когда светило солнце, они пахли как настоящие, и мистер Потт садился на землю, вытягивал вперёд деревянную ногу, закрывал глаза и вдыхал милый сердцу запах, который словно по волшебству переносил его в былые дни. Но чего-то не доставало. Дыма — вот чего!

Да, мистеру Потту нужен был дым, и не только запах его, но и вид. Позднее с помощью мисс Мэнсис из Хай-Бич мистер Потт решил эту задачу.

Сигнальную будку он построил из прочного кирпича. Она была как две капли воды похожа на его старую будку: такое же деревянное крыльцо и всё прочее. Мистер Потт вставил в окна настоящие стёкла и сделал так, что створки открывались и закрывались (зря, что ли, подумал мистер Потт, сохранил все наклейки от коробок с сигарами, которые получал по праздникам от дирекции дороги). Кирпичики он изготовил из красных кирпичей, которые взял в полуразрушенном свинарнике, раздробил, истолок в мелкую пыль и смешал с цементом. Эту смесь он выливал в форму и ставил на большой жестяной поднос. Форма была сделана из старого корсета со стальными пластинками;

после того как кузнец спаял их крест-накрест, получилась решётка с крошечными прямоугольными отверстиями. При помощи этого приспособления мистер Потт получал пятьсот кирпичиков за раз. Иногда, чтобы изменить их цвет, он добавлял в свою смесь измельчённую охру или красную кошениль. Крышу сигнальной будки он покрыл шифером — тонкими чешуйками соответственной величины всё с того же свинарника.

Прежде чем укрепить на стенах крышу, мистер Потт взял комок цементного теста и скатал своими старыми, одеревенелыми ладонями четыре колбаски для рук и ног и одну — покороче и потолще — для туловища, слепил яйцо-голову и приладил к плечам. Затем кое-где сдавил фигурку и снял то, что было лишним, ороговевшим ногтем, но результат его не удовлетворил. Чтобы придать неуклюжей кукле больше сходства — ведь он хотел сделать автопортрет, — мистер Потт отсёк ей одну ногу до колена и всунул туда спичку, а когда цемент затвердел, покрасил его сверху: синяя железнодорожная форма, розовое лицо — и приклеил на голову клочок седого мха. Помещённая в будку фигурка гораздо больше походила на человека и даже вселяла страх — неподвижная, вперившая застывший взгляд в окно.

Но сама сигнальная будка казалась совсем настоящей: крыльцо из посеревшего от времени дерева, жёлтый лишайник на шиферной крыше, неровно выцветшие от непогоды кирпичи, распахнутые окна и — время от времени — звонкое щёлканье сигналов.

Сильно стали докучать мистеру Потту соседские ребятишки: то и дело стучались к нему и просили показать железную дорогу. Когда мистер Потт

сидел на полу, выставив вперёд деревяшку, ему было не так-то легко встать, тем более быстро, но он терпеливо, хотя и с трудом, поднимался и, стуча деревяшкой, ковылял к двери, чтобы впустить незваных гостей. Вежливо поздоровавшись, он провожал их в сад через судомойню. Драгоценное рабочее время уходило на ответы, объяснения и суету. Иногда, пока шли расспросы, пересыхал цемент или остывал паяльник, поэтому вскоре мистер Потт установил правило — принимать посетителей только в субботу и воскресенье, и по этим дням двери его дома были всегда открыты. На столе в судомойне он поставил один из своих ящичков для сбора пожертвований, а поскольку к нему стали наведываться и взрослые, просил платить за вход одно пенни и выручку отсылал в благотворительный фонд. Дети по-прежнему пропускались бесплатно.

После того как мистер Потт смастерил железнодорожную станцию, интерес к его дороге возрос, всё больше людей приходили на неё посмотреть, и всё больше становилась выручка. Станция была точной копией городской станции, и мистер Потт назвал её «Литл-Фордэм». Название это было выложено белыми камешками на насыпи, покрытой мхом. Прежде чем увенчать вокзал крышей, мистер Потт обставил комнаты внутри. В зале ожидания появились тёмные жёсткие скамьи, в кабинете начальника станции — высокая деревянная конторка с отделениями для билетов. Кузнец (юноша по имени Генри, который к этому времени горячо разделял увлечение мистера Потта) выковал ему из мягкой стали камин. Они подожгли сухой мох и сосновые иглы, чтобы проверить тягу, и убедились, что труба тянет хорошо.

Но когда крыша была укреплена, всё это оказалось скрытым для глаз. Заглянуть внутрь через окна можно было, только если лечь на землю, да и то лишь до тех пор, пока мистер Потт не сделал платформу. Крышу платформы он окаймил тончайшей деревянной резьбой, на столбах висели старомодные лампы, которые мистер Потт заправлял маслом, чтобы по вечерам горели.

При скрупулёзности мистера Потта и стремлении всё доводить до совершенства постройка станции заняла два года семь месяцев, а затем он принялся за городок.

Глава вторая

Мистер Потт никогда не слышал о мистере Платтере, как и тот не слышал о мистере Потте.

Мистер Платтер был владельцем похоронного бюро и строительным подрядчиком в Уэнт-ле-Крейсе, городке на другом берегу реки, в которую впадал ручей, протекавший за садом мистера Потта. Они жили совсем недалеко один от другого, но по дороге через мост путь между ними был немалый. У мистера Платтера был прекрасный кирпичный дом у шоссе, ведущего в Бедфорд, с гравийной подъездной дорожкой и садом, спускающимся по склону к реке. Мистер Платтер сам построил его и назвал «Беллихоггин». Больше всего на свете мистер Платтер любил деньги, поэтому всю жизнь копил, копил, так что скопил довольно много. На беду, люди стали умирать реже, а когда закрылась кирпичная фабрика, желающих поселиться в тех краях стало не так уж много, потому что кое-как построенные мистером Платтером домишки для рабочих совершенно испортили ландшафт.

Некоторые из этих домиков так и остались не у дел, и он помещал объявления в местной газете, где предлагал их «пожилым, удалившимся на покой парам». Он сердился, если, отчаявшись найти других арендаторов, был вынужден сдавать домик внаём молодожёнам, потому что умел и любил устраивать дорогие похороны и предпочитал иметь более пожилых клиентов — так сказать, впрок. У мистера Платтера было непроницаемое лицо и очки без оправы,

отражающие свет, поэтому глаз его рассмотреть никому не удавалось, однако держался он на редкость вежливо и мягко, так что всё сказанное им принималось на веру. Милый мистер Платтер всегда так добр, говорили родные усопшего, что им и в голову не приходило проверить счета.

Мистер Платтер, низенький и тощий, казался ещё меньше рядом с миссис Платтер, дамой внушительных размеров. У обоих был розовато-лиловый цвет лица, только у мистера Платтера оттенок был скорее лиловый, а у миссис Платтер — розовый. Женой миссис Платтер была образцовой, и оба супруга с утра до ночи трудились, не жалея сил.

Всё больше домиков оставалось пустыми, всё реже происходили погребения, и у мистера Платтера оказалось слишком много свободного времени. Он никогда не любил сидеть без дела и, чтобы убить

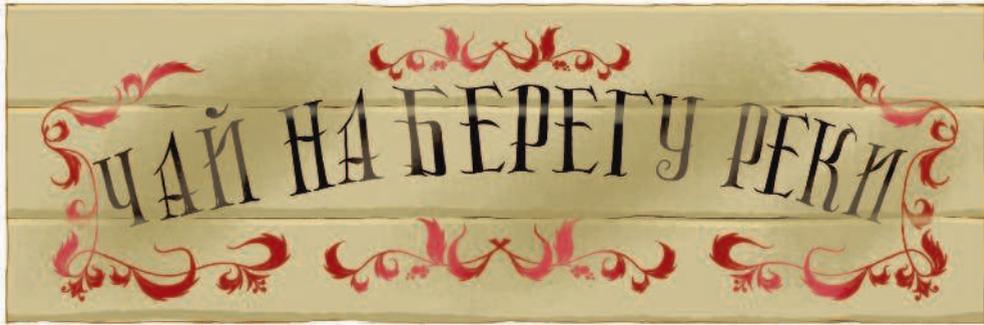

время, взялся за цветоводство. Все его цветы содержались как узники — крепко привязанными к колышкам; стоило им чуть-чуть изогнуться или пустить побег не в ту сторону, тут же следовало наказание: здесь подрезали, там подстригали — цветы должны расти по нитке. Скоро растения сдались и безропотно стояли рядами, как гвардейцы по команде «смирно». На лужайки мистера Платтера тоже стоило посмотреть: очищенные от сорняков, аккуратно скошенные, они полого спускались к реке. Одного взгляда на мистера Платтера с мотыгой в руках было достаточно, чтобы самое хитрое семечко одуванчика, уже поднявшееся в воздух, проворно свернуло в сторону в середине пути; говорят даже, что маргаритки, внезапно осознав, где находятся, в одночасье стали из розовых белыми.

Миссис Платтер в расчёте на проезжающие по шоссе автомобили повесила объявление: «Чай» — и поставила на траве у дороги прилавок, чтобы продавать цветы и фрукты. Сперва дела шли у них не очень хорошо, но однажды мистера Платтера осенило, и он написал новое объявление: «Чай на берегу реки». Вот теперь автомобили стали возле них останавливаться. А уж пройдя вместе с хозяйкой за дом и усевшись за столик, проезжающие поневоле пили «общий чай», так как другого не было. Угощение это было дорогим, хотя вместо масла к хлебу подавали маргарин и ядовито-розовый липкий джем, который миссис Платтер покупала прямо на фабрике в больших жестяных банках. Миссис Платтер продавала также лимонад в стеклянных бутылках с мраморными пробками, воздушные шарики и бумажные

мельницы. Покупателей становилось всё больше. Велосипедисты были рады немного посидеть, а те, кто ехал в автомобилях, — снять пыльное пальто и очки и размять ноги. Дела у Платтеров пошли хорошо.

Они и не заметили, как постепенно всё переменялось. «Троица, — сказал мистер Платтер, когда они переставляли столики на пустой лужайке, чтобы не погубить траву. — Все на гулянье».

Мистер Платтер подумал было купить мороженицу, но решил подождать: нет, деньги выложить он был не прочь, но только в том случае, если видел, что затраты окупятся с лихвой.

Вместо этого он починил старую плоскодонку и с помощью сачка для ловли креветок почистил реку. Он хотел добавить к объявлению слова: «Катание на лодке», — но миссис Платтер отсоветовала: боялась, что будут жалобы, так как при всём желании, хоть греби, хоть толкай шестом, единственное, что можно сделать, — это объехать на лодке вокруг заросшего крапивой островка.

Но праздники в августе потерпели полное фиаско: десять порций чая в субботу, одиннадцать — в воскресенье и семь — в понедельник.

— Ничего не могу понять, — в который раз повторяла миссис Платтер, когда они с Агнес Мерси собирали в корзину чёрствые булочки для кур. — В прошлом году не хватало столов, люди стояли в очереди.

Агнес Мерси уже исполнилось пятнадцать. Она сделалась крупной, медлительной, приметливой девочкой и казалась старше своих лет. Это была её первая работа и называлась «ходить на подмогу к миссис Платтер».

— Миссис Рид тоже стала теперь поить чаем, — сказала как-то Агнес Мерси, когда они делали бутерброды.

— Миссис Рид из Фордэма? Миссис Рид из «Короны и якоря»? — Миссис Платтер редко ездила в Фордэм — это было, как она говорила, «не по пути».

— Угу, — сказала Агнес Мерси.

— В цветнике?

Агнес Мерси кивнула.

— И во фруктовом саду тоже. На следующий год они приспособят амбар.

— А чем она заманивает? Я хочу сказать, реки-то там нет. Может быть, клубникой?

Агнес Мерси покачала головой:

— Нет, это всё из-за игрушечной железной дороги...

И, как всегда медленно, под градом вопросов рассказала миссис Платтер о мистере Потте.

— Игрушечная железная дорога... — задумчиво произнесла миссис Платтер после небольшого молчания. — Что ж, в эту игру можно играть и вдвоём.

